

Удержание этой позитивной тенденции требует неустанный принятие многих мероприятий из области политики экономической, как и стратегии ее реализации. Обоснованным и возможным, апеллируя к сетке матрицы SWOT, ставя ее под внимание ориентации на стратегию агрессивную связанную с конкурентной.

Библиография

1. Котыński J., *Конъюнктура и торговля мировая – базовые тенденции*, (в:) Конъюнктура экономики мира и Польши в годах 2015-2018, IBR, KiK, Варшава 2017
2. *План на предмет ответственного развития*, Министерство Развития, Варшава 2016
3. Piotrowski J., *Изменения в политике экономическо-социальной Польши в годах 2016-2018 и ее результаты*, (в:) Политика экономика Польши в интегрирующей Европе 2016-2018, IBR, KiK, Варшава 2017
4. *Программа поддержки инвестиций о значимом значении для польской экономики на года 2011-2020*, Министерство Экономики, Варшава 5 июля 2011
5. *Рочник Статистический Републики Польши 2006*, GUS, Варшава 2006
6. *Рочник Статистический Републики Польши 2011*, GUS, Варшава 2011
7. *Рочник Статистический Републики Польши 2012*, GUS, Варшава 2012
8. *Рочник Статистический Републики Польши 2016*, GUS, Варшава 2016
9. *Рочник Статистический Републики Польши 2017*, GUS, Варшава 2017
10. *Стратегия на предмет ответственного развития до года 2020 (с перспективы до 2030г.)*, Министерство Развития, Варшава 2017

СОВРЕМЕННАЯ МИР-ЭКОНОМИКА: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Лемещенко П.С., доктор экономических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск)

Теоретическое осмысление текущих тенденций в мировом хозяйстве не имеет однозначных трактовок, но имеет принципиальное значение для точки отсчета: «что мы есть», «какие наши количественные и качественные достижения», «куда развиваться и какой класс или социальная группа является доминирующей с точки зрения влияния на общественное благосостояние», с кем «дружить и против кого» и в каких формах, кому и какая будет от этого выгода и пр. Это, впрочем, неудивительно. Вызывает тревогу то, что для нынешнего этапа постглобализма вектор этих оценок слишком противоречив и имеет малую сходимость в дискуссиях при кажущемся рациональном мышлении философов, экономистов и других специалистов, занимающихся глобальными изменениями и оценками. Смещение аналитического акцента с отношений (!) производства и воспроизводства (политэкономический подход) на стадию обмена и потребления, принятие аксиом о субъективистско-индивидуалистических предпосылках с узкой утилитарно-экономической рациональностью в лучшем случае обеспечили идеологическое сопровождение и оправдание капитала как явления со всеми вытекающими последствиями. Но, как оказалось, все-таки целое не есть

механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов, руководствующихся своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечит общего благосостояния и целостности. На текущий период, год 200-летнего юбилея со дня рождения К. Маркса, завершившего формирование классической политэкономии, проблема адекватного отражения современной мировой системы хозяйствования приобретает особо актуальное значение, поскольку заложенные тогда идеи и оценки существенно дополняют анализ.

Современная «экономика свободного рынка» оказалась на длительное время в ловушке «плохого равновесия» (термин П. Кругмана), когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали из-за того, что «альтернативы рынку нет» и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих». Политические элиты мира не только задают нормы и правила поведения, но и стиль мышления, что находит отражение в учебных программах университетов. Кстати, даже в ведущих вузах, которые «ведут» и в нормах мышления, учебные курсы весьма дифференцированы по статусу студентов, их назначению. Из-за этого в ноябре 2011 года студенты Гарварда не пошли на лекцию известного Гр. Мэнкью, написав ему письмо о том, что его курс «экономикс» не дает им объяснений многих современных социально-экономических явлений, подрывая тем самым их подготовку для работы в международных финансовых организациях. Подобные примеры можно привести из вузовской практики Франции, Японии, Израиля. Свои формы протеста уже изобрели и изобретают и студенты Беларуси...

Если все-таки расширить аналитический диапазон и критически посмотреть на динамику современной мир-экономики с точки зрения перспектив развития, возможностей отдельных стран и их граждан, то окажется следующее. Во-первых, при всем при том, что глобализация подвела к образованию мир-экономики как некой целостной системы, все же, как утверждает Л. Туроу, результатом этой эволюции явилась «расколота цивилизация», в которой экономическая сфера с ее доминирующей (!) рыночно-капиталистической моделью организации обособилась от политического процесса, правовых и культурных норм. Страны мира не стали ближе к другу из-за возросшего недоверия, что подтолкнуло многих к росту затрат на вооружение. Например, к концу 2015 г. военные расходы государств составили 1 трлн. 576 млрд. долл. По странам картина выглядит так: США – 596 млрд. долл., Китай – 215 млрд. долл., Сауд. Аравия – 87,2 млрд. долл., Россия – 66,4 млрд. долл., Индия – 51,3 млрд. долл., Япония – 40,9 млрд. долл., Германия – 39,4 млрд. долл., Респ. Корея – 36,4 млрд. долл. Во-вторых, динамика развития крайне неустойчива и имеет нестабильные темпы экономического роста без тенденции к развитию. Современная мир-экономика обнаружила не только предел к потенциальному развитию, но активно инициируется борьба в разных формах за новый передел мира. А он, как показывает история, всегда завершается войнами, о чем когда-то писал К. Маркс. К этому выводу пришел и Т. Пикетти в своем известном труде «Капитал в 21 веке», обнаружившим перенакопление капитала, аналогичное предвоенным состояниям перед первой и второй мировой войнами. В-третьих, мир-экономика опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов не столько бед-

ных, сколь стран богатых. Например, из общего долга, который на 24 мая 2018 года составлял 63 трлн. долл., доля долга США составляла почти 32%, Японии 18,8 %, Франции и Италии почти 4%. Причем парадокс последних десятилетий состоит в том, что основную массу сбережений осуществляют бедные страны. А когда кризисность мира – это новая «ненормальная нормальность», то становится очевидным кому выгода такая ситуация. В-четвертых, резкие колебания конъюнктуры наблюдаются и в системе мирохозяйственных связей, отношений. Торговля товарами имеет тенденцию к сокращению в общей структуре трансакционных сделок (около 2%), что подрывает мотивы инновационного развития производительного капитала. Мировая финансовая система превратилась в спекулятивный конгломерат – квазиэкономику. Колебания валютных курсов объясняются спекулятивным мотивом своеобразного «казино-экономики» (термин М. Алле). Если в 1990-2007 гг. мировой ВВП увеличился с 22,6 до 56,7 трлн. долл., т.е. возрос в 2,5 раза, то объем производных инструментов вырос с 5,7 трлн. долл. до 676,6 трлн. долл., т.е. в 120 раз [1, с. 77].

В-пятых, производительные предпочтения как основание для дохода сегодня в рыночно-капиталистической системе хозяйства сместились к рентной мотивации, а глобальная рента стала законно восприниматься как основная форма дохода. Ее доля сегодня примерно составляет около половины мирового ВВП, которая перераспределяется через разные каналы от стран производителей реального богатства и услуг к странам-законодателям «мирового порядка». Это подрывает главное – стимулы и мотивы работников на разных уровнях социально-экономических процессов. Классическая политэкономия свой теоретический вклад обозначила через раскрытие природы и содержания богатства и доходов, соединив экономическую эффективность и нормы нравственности. Современная среда, и это видно из выше приведенных цифр, на первое место выдвигает категорию ренты: финансовой, институциональной, политической. *Глобальная рента* является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия достаточно сложен и мало изучен. Сегодня это *главное противоречие этапа глобального капитала*. Современный кризис высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда, рынок идей и пр. утратили свое состояние *устойчивости* и формирования *тенденции развития*, а также сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, выработанные еще А. Смитом. По сути, это было главное завоевание капитала, которое обеспечивало стимулы для снижения затрат, повышения эффективности и, и, таким образом, формировало условия для *развития*. А сегодня это *основное противоречие* этапа глобального капитала. Подчеркнем, что речь идет не о правах собственности, о чем обычно говорят. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы – обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими – произведенная стоимость не

может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические, название и толкование которых приобрело фамильно-авторский смысл. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. Кстати, во времена А. Маршалла звание профессора по экономике можно было получить, лишь сдав экзамен по этике! «А в результате, – как пишет тот же Нобелевский лауреат П. Кругман, оценивая очередной кризис – начинаешь ощущать, что словно отменили закон всемирного тяготения. И ловкие юнцы из колледжа в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [2, с. 55]. Иначе говоря, «старый» – производительный, и «новый» – финансово-посреднический виды капиталов используют разные институциональные нормы поведения, видоизменяя самое сокровенное – конкуренцию и ее механизмы, влияя тем самым на результаты.

Если сказать еще проще, то современный капитал реализует свое устремление к максимизации ренты (не прибыли (!) не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития трансакционного сектора в целом. Для этого же создан *особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений*, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. То есть ни к кому. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а *предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки* и другие негативные последствия. Современная экономика лишена каких-либо этических соображений, которые были когда-то у Смита, Маркса, Кейнса, Веблена, Леонтьева. Поэтому она, глобалистская экономика сама себя разрушает, влияя отрицательно на институциональное равновесие. Представляется, современный мировой экономический кризис вполне своими результатами и последствиями, в том числе и военного характера, доказывает разрушение глобального капитала, чем создает предпосылки перехода на новое качество – *метакapитала*, соединяющего многие черты прошлого, сложного настоящего и, безусловно, неизвестного будущего. Такой категорией, которая фокусирует на абстрактном уровне такой срез, на наш взгляд, является категория «институциональной ценности». Последняя фиксирует в себе стоимость, как базовую категорию товарно-капиталистического производства, и новые аспекты хозяйственно-экономических отношений глобального капитала [3, с. 46-67].

В-шестых, произошел технологический, демографический, экономический и социальный перекокс. Инновации и капиталовложения проникли в финансо-

вую сферу, обеспечивая рентные доходы, «сбив» генетический код модели хозяйствования, основанном на капитале. Возникло кроме экономического неравенства еще более глубокое неравенство – неравенство стран и людей в доступе к *информационному ресурсу*. Возникла проблема информационной дискриминации, нарушено мировое *институциональное равновесие*, эксплуатация приобрела более изощренные формы. Международные институты для современной экономики являются доминирующими, что позволяет их участникам также извлекать институциональную ренту. Отношения пронизаны психополитическим и информационным империализмом. Следствие этого – ненужность политэкономического знания и, естественно, политэкономов, которые пытаются открывать экономические законы устройства, функционирования и развития систем. Риторика о совершенной конкуренции никак не остановила монополизацию мирового рынка и особенно науки, рынка высоких технологий и информации в целом. Империализм перешел в плоскость функционального влияния, а не территориальности, как было в прошлом. Современный рынок «подпирается» множеством институтов, например, рейтинговыми агентствами. Субъекты хозяйствования не сами извлекают свою информацию с пространства рынка, а уже ту, которую им представляют эти агентства. Как показывает практика, они не очень-то и объективны в отражении тех тенденций, которые формируются глобальными игроками современной мир-экономики.

Мировой, общий (!) кризис 2008 г. подтвердил главный политэкономический тезис о том, что и для глобального капитала кризис – это основной механизм движения капитала и перераспределения богатства. Его суть в том, что правовые нормы и политические институты «покрывают» нарушение экономических и социальных законов и порядков, т.е. нарушается не просто нравственно-этическая основа метакapиTaлa, но даже и экономическая справедливость, которая разрушает целостность общества и генерирует агрессивность, демотивируя участников воспроизводственного процесса. Например, в последнем кризисе американские граждане потеряли 7 трлн. долл., а банки – основные «игроки» этого явления – лишь... 1 трлн. долл. Это не включая помощи, которая также по преимуществу была оказана из общественных фондов стран, банкам и другим финансовым структурам. Также воспроизводственный процесс распался в пространстве и во времени, создавая мощными спекулятивными финансовыми потоками для реформирующихся и стран с малыми экономиками состояние неопределенности и условия для экономического «водоворота», которого нельзя практически избежать. Эти страны принимают на себя транзакционные издержки, консервируя технологическую отсталость, усиливая экономическую зависимость.

Таким образом, проблема дохода в современных условиях сместилась с уровня внутригосударственного, внутринационального в плоскость даже не межгосударственного, а в большей степени в область *деятельности наднациональных институтов*. Суть проблемы состоит в том, что в разные исторические эпохи, разные институты (формальные и неформальные), устанавливая определенные рамки и ограничения, поведения и мотивы, создавали и конкретные механизмы по извлечению доходов и их распределению. В последних же реализо-

вывался более или менее компромиссный общенациональный экономический интерес как противоречивое единство интересов основных слоев, классов, социальных групп. Но раскрытие природы и источников современных доходов наталкивается на мифологизацию глобализации как современного явления, которая выгодна всем. Однако приведем несколько фактов. В начале промышленной революции средний уровень ВВП на душу населения в Европе превышал аналогичный показатель в Африке примерно в 3 раза. Если разница доходов пяти богатейших государств и пяти беднейших стран в 1960 г. составляла 30:1, то в 1990 г. – 60:1, а в 1997 г. – 74:1. Коэффициент Джини при этом для мира в целом за прошлое столетие увеличился с 0,40 до 0,48 [1, с. 43].

Резюмируя отметим, глобализм и постглобализм имеет много проявлений и характеристик. Но обращением к теории мы хотели бы зафиксировать начало процесса регулирования глобальными изменениями, не потеряв и не подчинив национальные государства. Вектор мышления и поведения как раз таки задает теория, а точнее, политэкономия, которая фокусирует мышление на тех важнейших свойствах, отражающих основание современной мир-системы. И здесь бывают теории и «теории», поскольку сам объект исследования имеет сложную и изменяющуюся структуру, наполненную интересами и психоэмоциональными характеристиками. Последняя в силу своих функций определяет не только восприятие экономического и тем более политико-экономического мира, но позволяет определить в дискуссиях или без то направление практики, которое предполагается сформировать и придать ему импульс в развитии. Воспринятые в университетах экономические идеи, пожалуй, сильнее власти, которая, кстати, тоже воспитывалась на чьих-то идеях...

Литература

1. Рязанов, В.Т. (Не) реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В.Т. Рязанов. – М., 2016.
2. Кругман, П. Великая ложь / П. Кругман. – М., 2004.
3. Лемещенко, П.С. От стоимости к институциональной ценности: Сб. научн. статей «Экономическая наука сегодня» / П.С. Лемещенко. – Минск: БНТУ, 2013. – Вып. 1.